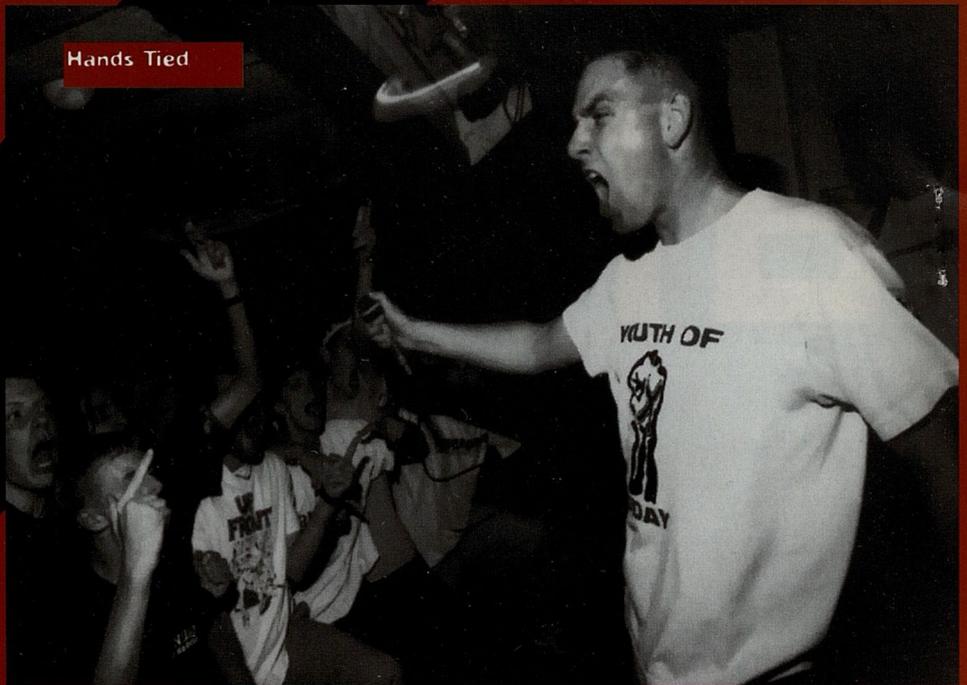

ВРАЧ ОТ

ВПЕРВЫЕ Я УВИДЕЛ ЕГО В КОНЦЕ ЗИМЫ В МОСКОВСКОМ КЛУБЕ "ЛУЧ", НА ВЕЧЕРИНКЕ ПАМЯТИ МУСЛИМГАУЗ. ВЫСТУПАЮЩИХ БЫЛО МНОГО, НО, ПОЖАЛУЙ, БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ ПРИШЛИ НЕ СТОЛЬКО ПОМЯНУТЬ МУСЛИМА, СКОЛЬКО ПОКАЗАТЬ САМИХ СЕБЯ. ПОЭТОМУ-ТО ОН И ПРИВЛЕК МОЕ ВНИМАНИЕ – БОЛЕЕ ЧЕМ СПОКОЙНО ОДЕТЫЙ, ВПОЛНЕ РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ И НЕМОЛОДОЙ НА ВИД ЧЕЛОВЕК. ОН НЕТОРОПЛИВО ДОСТАВАЛ ИЗ БОЛЬШОЙ ЧЕРНОЙ СУМКИ ЗАГАДОЧНЫЕ ПРИБОРЫ И РАССТАВЛЯЛ ИХ НА СТОЛЕ И ПОЛУ. ЗАКОНЧИВ С ЭТИМ, СНЯЛ БОТИНКИ И, АККУРАТНО РАСПОЛОЖИВ ИХ НЕПОДАЛЕКУ, ОПУСТИЛСЯ НА КОЛЕНИ РЯДОМ СО СТОЛОМ. ЗАИГРАЛА МУЗЫКА... ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ОБНАРУЖИЛОСЬ, ЧТО ВСЕ ВОКРУГ ДВИГАЮТСЯ – И Я ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ, ХОТЯ В ТОТ ВЕЧЕР ВОВСЕ НЕ БЫЛ НАСТРОЕН ТАНЦЕВАТЬ. ВПОСЛЕДСТВИИ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ЭТО БЫЛ РИЧАРД НОРВИЛЛА, МУЗЫКАНТ И ОДНОВРЕМЕННО ПСИХОТЕРАПЕВТ, ПРАКТИКУЮЩИЙ В РОССИИ И ШВЕЙЦАРИИ. СПУСТЯ НЕДЕЛЮ МЫ ПЕРЕСЕКЛИСЬ НА "ЭЛЕКТРОННОМ" КОНЦЕРТЕ В ЦДХ, И Я ПРИГЛАСИЛ ЕГО ПОИГРАТЬ НА ВЕЧЕРИНКЕ "АДРЕНАЛИНА" В "БЕДНЫХ ЛЮДЯХ". РИЧАРД ПОИГРАЛ – И ОПЯТЬ НИКТО НЕ СМОГ УСИДЕТЬ. В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ УЖЕ В ЕГО СТУДИИ – ДЛЯ РАЗГОВОРА...

Hands Tied

У нас

В НАШЕЙ СТРАНЕ ПЕРЕНИМАНИЕ ЗАПАДНОГО ОПЫТА ВСЕГДА ИМЕЕТ НЕПОВТОРИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ. У НАС ПОЛУЧИЛИСЬ СОВСЕМ ДРУГИЕ ПАНКИ, СОВСЕМ ДРУГИЕ МЕТАЛЛИСТЫ, СОВСЕМ ДРУГИЕ РЭЙВЕРЫ, СОВСЕМ ДРУГИЕ РЭППЕРЫ И, СООТВЕТСТВЕННО, СОВСЕМ ДРУГИЕ ХАРДКОРОВЦЫ.

СВОИМ РАЗВИТИЕМ В РОССИИ ХАРДКОР ИЗНАЧАЛЬНО ОБЯЗАН ДВУМ "ЧЕЛОВЕКАМ": БАЙБАКУ — БАРАБАНЩИКУ DISTEMPER'A И ЖЕНЕ "ГОЛОВЕ". БАЙБАК БЫЛ, НАВЕРНОЕ, ПЕРВЫМ В ЭТОЙ СТРАНЕ, КТО УСЛЫШАЛ NOFX, VIOHZARD И ПРОЧИЕ "ЛЕГЕНДЫ" (ТОГДА ЕЩЕ НА ВИНИЛЕ). БУДУЧИ ЧЕЛОВЕКОМ ВЕСЕЛЫМ И БЕЗЗАБОТНЫМ (И ОСТАВАЯСЬ ТАКОВЫМ ЖЕ СЕГОДНЯ), ОН ОТДАВАЛ ПРЕДПОЧТЕНИЕ ВЕСЕЛОЙ КАЛИФОРНИЙСКОЙ "ВОЛНЕ", КОТОРУЮ ВПОСЛЕДСТВИИ И ХАРДКОРОМ-ТО НАЗЫВАТЬ ПЕРЕСТАЛИ, ОКРЕСТИВ БОЛЕЕ ТОЧНЫМ ТЕРМИНОМ "MELODIE-CORE". НО МУЗЫКУ ОН СОБИРАЛ САМУЮ РАЗНООБРАЗНУЮ, ВНЕДРЯЯ ЕЕ ЧЕРЕЗ "СВОИХ" В НЕМНОГОЧИСЛЕННЫЕ МАССЫ. НАВЕРНОЕ, DISTEMPER (КОТОРОЙ, КСТАТИ, В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ) И БЫЛА ПЕРВОЙ ХАРДКОРОВОЙ ГРУППОЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ.

ЖЕНЯ "ГОЛОВА", УМУДРИВШИСЬ СЪЕЗДИТЬ В АМЕРИКУ И ПОБЫВАТЬ В СВБВ (ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАНК-КЛУБ, В КОТОРОМ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ ПРОВОДИЛИСЬ ЗНАМЕНИТЫЕ ХАРДКОРОВЫЕ УТРЕННИКИ), ДОСТАВИЛ В РОССИЮ СТРЭЙТ-ЭЙДЖ И ПРОЧИЕ ЧАСТИ РАССМАТРИВАЕМЫЙ СУБКУЛЬТУРЫ, А ТАКЖЕ СООТВЕТСТВУЮЩУЮ МУЗЫКАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ. И ХОТЯ САМ ОН БЫЛ СТРЭЙТ-ЭЙДЖЕРОМ ОЧЕНЬ НЕДОЛГО, ОТДАВ ПРЕДПОЧТЕНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ЭТНИЧЕСКИМ ЗВУКАМ И ДОЛГОСРОЧНЫМ ПУТЕШЕСТВИЯМ В ИНДИЮ, КИНУТЬ ЗЕРНО В ПОДГОТОВЛЕННУЮ ДЛЯ ЭТОГО ПОЧВУ ОН ВСЕ ЖЕ УСПЕЛ. СО ВРЕМЕНЕМ ОНО ПРОРОСЛО — ПОЯВИЛАСЬ MOSCOW HARDCORE CREW. (НА-

ДО ТАКЖЕ ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ ГОРОДУ ВОЛЖСКОМУ, ПРИГОРОДУ ВОЛГОГРАДА, В КОТОРОМ ВСЕ РАЗВИЛОСЬ СВОИМ, ИМ ОДНИМ ИЗВЕСТНЫМ ПУТЕМ.)

ТАК ВОТ, У НАС ПОЯВИЛАСЬ HARDCORE CREW, КОТОРАЯ ВЕСЬ ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ПУТЬ МИРОВОГО ХАРДКОРА ПРОШЛА ЛЕТ ЗА ПЯТЬ. СНАЧАЛА ОБРАЗОВАЛАСЬ STER BASK (НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ЭТО ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ СТРЭЙТ-ЭЙДЖ ГРУППА), КОТОРАЯ ОЧЕНЬ БЫСТРО ПЕРЕИМЕНОВАЛАСЬ В SKUGRAIN, КОТОРАЯ ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА "СОПРОТИВЛЕНИЯ" СТАЛА "ТРЕМЯ КРЕСТАМИ". ЕЩЕ ЕСТЬ UNCONFORM, КОСЯЩИЙ ПОД БАТТЕРУ, "095" — МОСКОВСКАЯ "НЬЮ-ЙОРКЩИНА", В ПИТЕРЕ — САМАЯ КЛЕВАЯ И РЕАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ ХАРДКОР-КОМАНДА "ПЯТЬ УГЛОВ". НАИБОЛЕЕ

РАДИКАЛЬНАЯ МОСКОВСКАЯ ГРУППА "Б-67" ([WWW.CHAT.RU/ B67](http://www.chat.ru/b67)) ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ, НАВЕРНОЕ, ВСЕХ ВЫШЕОПИСАННЫХ ИДЕОЛОГИЙ РАЗОМ. Я БЫЛ НА ИХ ПИТЕРСКОМ КОНЦЕРТЕ, ТАК ВОКАЛИСТ СЕРГЕЙ ВОЛОШИН ПРЯМО СО СЦЕНЫ, ПРЕРВАВ КОНЦЕРТ, ДАЛ КОМАНДУ ПУБЛИКЕ ИЗБИТЬ ДВУХ ПРИШЕДШИХ НА КОНЦЕРТ СКИНХЭДОВ. ГРУППА МАТЕРЕЕТ НА ГЛАЗАХ, СКОРО ВРОДЕ БЫ ДОЛЖЕН ВЫЙТИ КАКОЙ-ТО ЗАРУБЕЖНЫЙ СО-СБОРНИК, ГДЕ БУДЕТ ИХ ПЕСНЯ.

ВОТ И ВСЕ, ПОЖАЛУЙ. СТАТЕЙКА ПОЛУЧИЛАСЬ НЕЛИЦЕПРИЯТНАЯ. А ВЕДЬ Я САМ БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ СТРЭЙТ-ЭЙДЖЕРОВ, КРИШНАЙТОМ, ВЕГЕТАРИАНЦЕМ И ДАЖЕ МИЛИТАНТОМ. БЫЛ ЕЩЕ ВТОРЫМ ВОКАЛИСТОМ В SKUGRAIN. МОИ ПРИЯТЕЛИ-ХАРДКОРОВЦЫ, НАВЕРНОЕ, ОТ МЕНЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТВЕРНУТСЯ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР МОСКОВСКОГО ХАРДКОР-ФАНЗИНА "ВЗОРВАННОЕ НЕБО" ПОСЛЕ СТАТЬИ О САМИЗДАТЕ В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ "АДРЕНАЛИНА" ОТКАЗАЛСЯ ПРЕДОСТАВИТЬ ФОТОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГРУПП ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ЭТОГО МАТЕРИАЛА. НЕ СТРАШНО — ОНИ ТАКИЕ ЖЕ, КАК ТЕ, КОТОРЫЕ ВЫ ВИДИТЕ. ТОЧЬ-В-ТОЧЬ.

"Б-67"

МУЗЫКИ

РА: — РАССКАЖИ НЕМНОГО О СЕБЕ.

Р.Н.: — Родился в Литве... В детстве мне очень нравилось бывать на вокзале. Там были разные цвета: лампочки зеленые, красные, синие. Но главное — звуки: локомотивы, погрузка, разгрузка... И что самое интересное — там переговаривались при помощи "громкой связи". Звуки создавали очень приятную среду для меня.

РА: — КАК ТЫ НАЧИНАЛ ЗАНИМАТЬСЯ МУЗЫКОЙ?

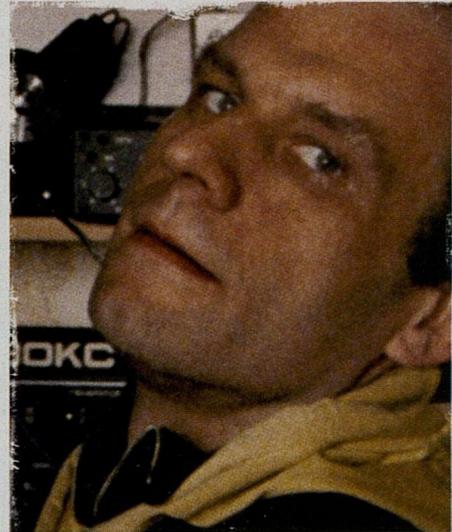
Р.Н.: — Первое знакомство с инструментом... Это был литовский аналоговый синтезатор "Орган", который стоял в кабинете физики. Тогда мы слушали Kraftwerk и Tangerine Dream и пытались играть ровные фразы. Получалось плохо. Мы не знали, что эти люди пользуются секвенсорами. Думали: "Как же они могут так ровно играть?". В школе я ставил спектакли и делал к ним музыку. Накладывал звуки друг на друга довольно простым методом: на стирающую головку приделывалась железка, чтобы предыдущая запись не стиралась. Таким образом на катушке появлялась многоканальная коллажная запись. В подвале Дома культуры у нас была студия. Однажды, в 1982 году, я вышел из нее после шести часов игры и обнаружил, что потерял цветовое зрение. Я видел мир черно-белым — потрясущие и одновременно очень страшно. Это был мой первый опыт изменения восприятия при помощи музыки.

Дальше — очень большой перерыв. В конце восьмидесятых родился проект "Са-Зна". К тому моменту мне в каком-то смысле надоело слушать музыку, хотелось играть самому. У нас было много сломанных инструментов, но если к ним относиться с любовью, они начинают звучать. Затем на английской фирме "Leo Records" вышли две пластинки нашего проекта. Потом интересы изменились — мы стали играть не на инструментах, а просто на предметах. Мы усиливали еле слышные звуки так, чтобы предметы заговорили, рассказали какие-нибудь истории.

Тогда у нас были совместные проекты с группой Fruits Алексея Борисова. Я стал покупать электронные инструменты. Техно-культура как таковая меня дико раздражала. Я думал: "Это бум-бум — полная фигня". Тут

вспомнился Джон Кейдж — его раздражало радио. Он подумал: "Здесь что-то неправильно, надо с радио как-то поработать" — и сочинил произведение для нескольких радиоприемников, после чего понял, что радио — это клево. Я решил, что раз я ничего не понимаю в этом техно, надо попробовать самому сочинить техно. И с того момента, как сделал первую композицию с битом внутри, все время возвращаюсь к этой теме. Ведь техно — самый демократичный музыкальный стиль. В этой музыке много нюансов и передовых музыкальных мыслей, и в то же время люди могут под нее танцевать, не задумываясь о том, как она сделана. Ее нельзя назвать ни элитарной, ни популярной... Мне всегда было тяжело общаться с людьми, которые считают, что они врубаются в музыку, а остальные не врубаются. В Швейцарии мне удалось написать музыку для кино, и я смог купить новые приборы.

Электронная музыка позволяет работать со звуками, непосредственно связанными с языческой традицией. Я родился в местности, где позже всего приняли христианство, там скорее поклонялись стихиям, и, чувствую, в моей крови это все есть. Синтезирую во всех нюансах удары грома, я делаю то, что созвучно моей душе. В этом контексте сочинение музыки имеет для меня религиозное значение. С другой стороны, этот процесс связан с доречевым опытом. Именно при помощи музыки я могу рассказать истории той поры, когда мир еще не был разделен словами — например, "Этот человек умный, а тот — дурак", или "Это хорошо, а вот это плохо". Есть возраст, когда ребенок, маленький человек, не может ничего сказать, он может только действовать. По ходу же обучения речи происходит выпадение из жизненного потока. Музыка для меня — часть той жизни, где было куда больше энергетических ресурсов, нежели сейчас. И важно использовать действительно древние машинки. Моя психиатрическая практика помогла понять, что именно аналоговые синтезаторы позволяют создавать структуры и синтезировать звуки, которые положительно влияют на иммунную систему, действуют возбуждающе на те участки мозга, которые отвечают за скрытые ресурсы. Электронная музыка — циклического типа. В ее повторяющейся ритмической структуре

есть что-то от шаманизма, практики повторения мантр. От этого повторения в душе начинается что-то происходить. Например, в гитарной музыке преобладает линейность, композиция напоминает структуру греческой трагедии: введение, развитие, кульминация, развязка. Разница принципиальная. Возможно, электронный тип музыки созвучен каким-то биологическим процессам. Микроорганизмы внутри нас чувствуют ритм и радуются. Играет, допустим, минимал-техно, и семьдесят процентов бактерий в нашем теле дружно пляшут.

РА: — ТЫ ГОВОРИШЬ О ПОЗИТИВНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ОРГАНИЗМ. А КАК ОБСТОЯТ ДЕЛА С НЕГАТИВНЫМ?

Р.Н.: — Главное в европейской медицинской модели — любой симптом, появляющийся у человека, должен исчезнуть, ибо он мешает жизни. Это обусловлено экономически: человек должен находиться на своем рабочем месте и не болеть. Но есть школа медицины, где считается, что иногда необходимо усилить симптом, и таким образом открыть двери куда-то дальше. Боль может рассказать то, о чем человек не хочет слышать. Так что война между микроорганизмами иногда необходима, и электронные вибрации могут этому способствовать.

Я знаю спектр частот, влияющих на организм, и иногда использую это на вечеринках. Очень здорово, когда человек

двигается не задумываясь, спонтанно. Когда я в восьмидесятых работал психотерапевтом в клинике неврозов, то заметил, что люди, которые мало двигаются, бывает, испытывают боли. Моей задачей было изобрести такие движения, которые не давали бы телу мстить за свой покой. Электронная музыка справилась с этой задачей. На сегодняшний день мой интерес заключается в том, чтобы выявить архетипический ритм, который свойственен данной территории – Москве, например. Мы уже проводим некоторые исследования и их результаты собираемся использовать, играя на отечественных инструментах.

РА: – НА ТВОЙ ВЗГЛЯД, КАКОВА СИТУАЦИЯ С ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКОЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ?

Р.Н.: – Классическая электронная музыка делается на приборах фирмы Roland, Korg и т.д. Таких инструментов здесь мало. В России люди занимаются электронной музыкой на аппаратах третьего – четвертого

поколения и зачастую не знают, как работают “старые” машины. В Европе все развивалось последовательно. И именно в старых аппаратах есть форма жизни, которой нет в современных. Если же человек думает, что можно сочинить музыку при помощи компьютера и недорогой аудиокарты, то через какое-то время наступит разочарование – по каким-то причинам музыка не работает. Со временем эти причины выявляются, но на это уходит слишком много времени.

РА: – ТЫ МОЖЕШЬ НАЗВАТЬ ЭТИ ПРИЧИНЫ?

Р.Н.: – Первая: в звуке отсутствует физическая составляющая, та часть музыки, которая действует на тело. Она позволяет человеку отключить навязчивый мыслительный процесс. Очень важно, чтобы в клубе человек не оценивал музыку, а воспринимал. Когда она делается на настоящих приборах, вопросов не возникает, возникает ответ – человек танцует. У нас

очень мало людей, умеющих работать на таких инструментах, и еще меньше тех, у кого они есть. Поэтому на вечеринках бывают ситуации, когда народ больше размышляет о том, что происходит, а не отдыхает как следует. А ведь достаточно принести одну хорошую драм-машинку, чтобы все просто танцевали. Эта музыка сообщает что-то важное телу, и размышления не нужны.

РА: – НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТВОЕМ НОВОМ ПРОЕКТЕ “БЕНЗО”.

Р.Н.: – Электронная музыка в России могла бы развиваться так же, как в Европе – все приборы для этого были. Отсутствовал общий настрой. Сейчас мне интересно запустить этот механизм заново: делать музыку на инструментах, которые производились на данной территории. У этих аппаратов свой неповторимый звук. Производились они очень странно. Например, синтезатор “Поливокс” является сновидением классического синтезатора, его

Роберт Норвилл, 1999 - сессия - с. 63-64

галлюцинацией. Приборы собирались из комплектующих, которые были на заводе на тот момент, кроме того, многое зависело от внутреннего состояния сборщиков. От количества употребленного алкоголя, к примеру. Данные инструменты живут своей жизнью и рассказывают истории о том, что происходило на соответствующей территории. Это часть нашей культуры. Хотелось бы воссоздать этот культурный контекст в рамках электронной музыки. Мне кажется, что такая музыка может быть очень интересна западным электронщикам. Потом, Россия всегда славилась своими инженерами-самоделкинскими, которые пробовали что-то делать. Наверняка существуют и эти аппараты, и эти люди. Мне бы очень хотелось, чтобы в результате нашего интервью возникла хоть какая-то обратная связь, люди смогли бы позвонить, проявить интерес. Именно эти инструменты лучше всего гармонируют с присущим нашим соотечественникам типом обмена веществ. Мы все пропитаны бензином, и создать музыкальный стиль, который мог бы очистить человека от данной формы интоксикации, — это было бы интересно. Очень важный момент — работа с пластинками, которые можно было купить на этой территории. Раньше я свысока смотрел на то, что продавалось в музыкальных магазинах, думал: "Что за дрянь? Надо слушать AC/DC и Led Zepelin. Сейчас я так не думаю. Здесь есть глубокий психологический смысл. Современные технологии позволяют дать этим пластинкам новую жизнь — они могут поразвлечься друг с другом.

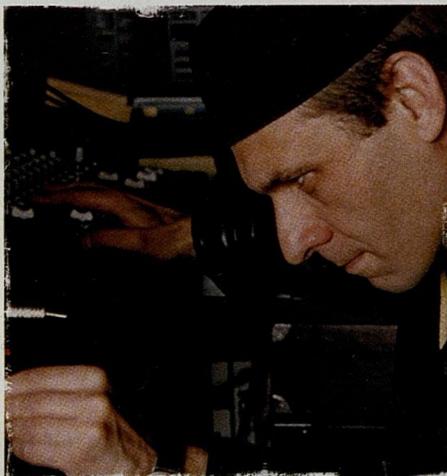
РА: — РАССКАЖИ О СВОЕЙ ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ.

Р.Н.: — На мой взгляд, между психотерапией и музыкой есть нечто общее: у людей ушла почва из-под ног, они приходят ко мне, и можно сказать, что в их душе нет песни. Нужны некоторые усилия, чтобы эта песня зазвучала. Чтобы ее можно было петь громко, и более того — громкость регулировать. Особенно в случае семейной психотерапии, когда семья не живет как одно целое. Моя задача как терапевта — сделать так, чтобы общая для всей семьи песня в какой-то форме существовала. Пусть она будет тихой, спокойной, главное — чтобы была. По сути этот процесс ничем не отличается от сочинения музыки с использованием секвенсора: есть несколько линий, но нужно, чтобы они составляли единое целое.

РА: — ЧТО ЗА ЛЮДИ К ТЕБЕ ПРИХОДЯТ?

Р.Н.: — Здесь, в России, приходят люди, которые потеряли жизненную ориентацию. В основном, молодые. У каждого из них своему болит душа. Я не считаю, что они чем-то больны. Думаю, здесь дело в привычках, которые их как-то угнетают. Эти привычки надо поменять на другие, более

хорошие и интересные. То есть имеют место некие нарушения, но они же и являются доказательством, что человек делает наилучшее из того, что может. Просто у него это плохо получается. Но он пробует. Мне, кстати, очень нравится то, что написано на обложке вашего журнала, — "Страшно всем, бояться не все"... Я пытаюсь активировать человеческие ресурсы. Иногда приходят люди с хронической усталостью — словно какая-то петля, некий сэмпл.

движущийся не в долгу. Нужно отыскать этот сэмпл, может быть, отредактировать и попытаться найти какой-нибудь резервуар, где есть подходящая среда. И это, как правило, обращение к более раннему опыту, к опыту детства.

РА: — ЧТО ЖДУТ ОТ ТЕБЯ ЭТИ ЛЮДИ?

Р.Н.: — Люди хотят избавиться от конкретных проблем — например, бессонницы или каких-то затруднений в сексуальной жизни. Они хотят понимания и откровенности от человека, который никак не связан с их жизнью, т.е. человека со стороны. Пришедший ко мне долгое время жил в мире, где ему никто не говорил того, что думает на самом деле. Он теряет ориентацию, он не знает, что делать. Один мой знакомый сказал, что профессия психотерапевта — это быть профессионально другим. Но я не берусь объяснить человеку, кто он. Есть психотерапевты, которые считают, что познали мир и обладают некой истиной. Я думаю, что никогда не узнаю, почему этот мир вообще существует, и никогда не узнаю до конца, кто я такой. Моя цель — сделать так, чтобы пришедший ко мне выбрал свой поток жизни, чтобы он в него вернулся. Чтобы он сам смог ответить на все вопросы. Я просто создаю ему благоприятную среду. Человек у меня на приеме может позволить себе любые фантазии и за это не будет наказан. В жизни такой ситуации нет, и может быть, в этих фантазиях заложены ценности, которые он потом может использовать в жизни. Учит

людей, что есть истина — такой цели нет. Важно, чтобы человек получил несколько простых инструментов, которые смог бы использовать в критических ситуациях. В этой работе ложь не срывает. Как, собственно, и в музыке. Взять, например, произведение, сделанное в Q-base из дешевых сэмплерных колец в формате Wave — эту вещь слушать не интересно, она не работает. В психотерапии то же самое. Если я буду пользоваться суррогатными "сэмплими" из разных учений, ничего не получится. Каждый раз, когда ко мне кто-то приходит на прием, я волнуюсь, ибо никогда не знаю, что произойдет. Как я могу знать?

РА: — А ВЕДЬ ЕСТЬ ТАКОЕ — НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫДАВАТЬ СВОЕ ВОЛНЕНИЕ. ТОТ, КТО К ТЕБЕ ПРИШЕЛ, ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ПЕРЕД СОБОЙ УВЕРЕННОГО В СОБСТВЕННЫХ СИЛАХ ЧЕЛОВЕКА.

Р.Н.: — Знаешь, все наоборот. Профессия психотерапевта учит быть скромным. Ты сталкиваешься с очень грустными историями, и миф о силе, о возможности всех излечить мне кажется довольно странным, юношеским по большей части. У меня, безусловно, в глубине души есть уверенность и бескомпромиссность. Однако, если я испытываю некоторое волнение, если я не знаю, что делать, то обязательно сразу об этом говорю. Практически всегда. Я ненавижу стерильные психотерапевтические кабинеты. Это как цифровой синтезатор, где защиты чистые сэмпл-волны и нет души. Есть психоаналитики, которые свято верят в некоторую модель мира. Я знаю, что моделей много и это хорошо. Каждый человек — это целая вселенная. Он уникален. Но по каким-то странным для меня причинам люди забывают, что они живут. Если человеку на улице задать вопрос "Жив ли ты?", я думаю, он растеряется. Спросит: "А что вы имеете в виду?". В своей жизни я прошел разные этапы, прочел много умных книг и вернулся к очень простому мироощущению — дует ветер, светло, облака красивые на небе. Ницше сказал, что возможность слушать музыку является достаточным основанием, чтобы жить. А я вообще в раю, потому что имею возможность сочинять музыку. Это счастье неопишемое.

В каждом, кто приходит ко мне, мне хочется пробудить какое-то творческое начало, причем неважно, как это проявится. Пусть человек научится со вкусом убираться в квартире — это тоже творчество. И это лучше, чем по вымышленному евростандарту создавать на дешевом компьютере произведения в стиле дип-хаус. Они будут похожи на произведение искусства меньше, чем хорошо помытая раковина. Творчество должно быть настоящим.

С РИЧАРДОМ НОРВИЛЛА БЕСЕДОВАЛ МИТЯ ЧЕРНЯЕВ. ФОТО АВТОРА.

2087